

Авдеев Олег Константинович

ЛИЧНЫЕ И ИДЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО ФИЛОСОФСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Статья посвящена истории русского философского консерватизма второй половины XIX века на примере К. Н. Леонтьева, Н. Н. Страхова и П. Е. Астафьева в контексте их личных взаимоотношений. Рассматриваются как отзывы представителей течения друг о друге в философско-публицистических текстах и их эпистолярном наследии, так и оценки современников и исследователей, обосновывается идейное единство течения, осознававшееся его представителями вопреки радикальному несходству характеров и личных черт, приводившему как к отсутствию взаимопонимания, так и к открытой неприязни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/9/2.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (111). С. 14-17. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

MULTI-AGENT COMPUTING SYSTEM ON THE BASIS OF THE MOBILE PROGRAM CODE OF COMPUTING PROCESS

Ababii Viktor Vasil'evich, Ph. D. in Technical Sciences, Associate Professor
Sudachevski Viorika Mikhailovna, Ph. D. in Technical Sciences, Associate Professor
Safonov Gennadii Ivanovich
Podubnyi Mari Valerievich
Technical University of Moldova in Kishinev
victor_ababii@mail.ru

This paper presents results of designing and modelling of a multi-agent computing system on the basis of the mobile program code of computing process, which provides the implementation of complex artificial intelligence algorithms using agents with limited computing power. Effectiveness of the multi-agent computing system is achieved through transmission of the mobile program code to the server, where its implementation occurs thus providing access to large databases and ensuring high quality of computation results.

Key words and phrases: multi-agent system; artificial intelligence; program code; mobile computing process; distributed and parallel computing systems; queueing system.

УДК 1(091); 141.145; 329.11; 329.17; 329.21

Философские науки

Статья посвящена истории русского философского консерватизма второй половины XIX века на примере К. Н. Леонтьева, Н. Н. Страхова и П. Е. Астафьева в контексте их личных взаимоотношений. Рассматриваются как отзывы представителей течения друг о друге в философско-публицистических текстах и их эпистолярном наследии, так и оценки современников и исследователей, обосновывается идейное единство течения, осознававшееся его представителями вопреки радикальному несходству характеров и личных черт, приводившему как к отсутствию взаимопонимания, так и к открытой неприязни.

Ключевые слова и фразы: история русской философии; К. Н. Леонтьев; Н. Н. Страхов; П. Е. Астафьев; Н. Я. Данилевский; консерватизм; органицизм; личность.

Авдеев Олег Константинович, к. филос. н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
epoha@list.ru

ЛИЧНЫЕ И ИДЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО ФИЛОСОФСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Крупные течения в истории философской и социально-политической мысли связаны, как правило, не только отношениями интеллектуальной преемственности и взаимного теоретического признания или полемики, но и более или менее тесными личными взаимоотношениями (в контексте истории русской философии это можно сказать, например, о кружке славянофилов, о западниках, о евразийцах). Подобные тесно связанные группы мыслителей чаще существовали в виде либо философских кружков (группа единомышленников, связанных и в повседневной жизни частыми встречами и личным общением, а также, зачастую, общей газетой или журналом, а иногда и родственными связями: в качестве примера можно привести славянофилов или кружок Н. В. Станкевича), либо в виде группы «последователей» того или иного мыслителя, часто – иностранного, развивавших собственные версии его взглядов или новые теории, инспирированные его взглядами (к таковым можно отнести русских кантианцев, весь круг последователей Вл. С. Соловьева и т.п.). Куда менее однозначные отношения связывали представителей русского философского консерватизма второй половины XIX века (течения, состоявшего из относительно самостоятельных мыслителей, не ограничивавшихся какой-то одной, даже социально-философской и политической проблематикой), к которым можно отнести К. Н. Леонтьева, Н. Н. Страхова и П. Е. Астафьева, а также Н. Я. Данилевского, А. А. Григорьева и других авторов.

Несмотря на существенное сходство политических позиций и известное родство социально-философских взглядов этих авторов, их личные отношения были достаточно сложными: изначально напряжённые и полные недоверия между Страховым и Леонтьевым и менявшиеся с течением времени от дружбы к вражде между Леонтьевым и Астафьевым. При этом следует отметить тот факт, что и в научных и публицистических текстах, и в личной переписке упомянутые авторы стремились сохранять объективность в оценке других консервативных философов, отделяя личные отношения и оценки от идейно-философского содержания взглядов (в наибольшей степени это верно для обычно экспрессивного и несдержанного в речах и поступках вплоть до публичного удара хлыстом по лицу, нанесенного им французскому консулу Дерше, Леонтьева). Так, ещё в 1876 году он в письме Н. Я. Соловьёву воздавал должное уму Астафьева, сравнивая его с В. Г. Белинским: «Вот объективность! Вот сила ума! Вот беспристрастие! Вот и Н. Н. Страхов такой же! За что я его уважаю, хотя Н. Н. Страхов против меня лично...» [3, с. 130-131]. В письмах В. В. Розанову, говоря о Страхове, Леонтьев, признавая, что «всегда имел к нему какое-то “физиологическое” отвращение» [Там же, с. 576], отмечал: «разница в том, что я всегда старался быть к нему справедливым (т.е. к сочинениям его) и пользовался всяким поводом, чтобы помянуть его добром в печати: советовал молодым людям читать его, дарил им даже его книги,

а он ото всего подобного по отношению ко мне всегда уклонялся, и примеров этой его недобросовестности я могу при свидании (о котором мечтаю!) рассказать Вам много» [Там же, с. 576-577]. При этом Леонтьев не подозревает в Страхове зависти или других «низменных» причин, поскольку хорошо знает о его отношении к трем его кумирам – Григорьеву, Данилевскому и Толстому, которых тот ставит выше себя и служит им по части литературной критики. Однако характер его Леонтьев характеризует как двойственный: и добросовестный, и фальшивый. Первая часть этой характеристики точно соответствует действительности: в личной переписке Л. Н. Толстого и Страхова последний неоднократно подчеркивает, в какой мере преклоняется перед литературным и философским гением Толстого. Вторая же часть остается на совести самого Леонтьева, отражая его впечатления от личного общения. Любопытно, что в подобном же двуличии сам Страхов (в устном разговоре с В. В. Розановым) возмущенно уличает [7, с. 69] Вл. С. Соловьёва, который, уже отдав в печать «унизительную» статью против Страхова, пил с ним чай и был очень любезен.

В 1891 году Леонтьев прекратил общение со Страховым, когда, после трех дней внутренней борьбы и, как он пишет, усердных молитв послал ему короткий ответ на просьбу высказаться о правоте одного из участников их полемики с Соловьёвым, включавшей взаимные обвинения в фальшивости. При этом, несмотря на колебания перед отправкой письма, Леонтьев признавался И. И. Фуделю: «В сущности, я очень рад, что наши личные сношения прекратятся. Эти сношения (личные) при всём том, что мы с ним на 2/3 единомышленники, были издавна натянуты и ложны» [3, с. 531].

Отношение Страхова к Леонтьеву было столь же лично неприязненным – это видно из переписки Страхова с Розановым, в которой он пару раз откровенно высказался о Леонтьеве, огорчённый симпатиями Розанова к последнему. Так, в этой переписке Страхов критиковал как философско-публицистическое, так и литературно-художественное творчество Леонтьева, периодически переходя к оценкам личности Леонтьева, не указывая, правда, какие именно факты биографии последнего или случаи из их общения послужили для этого основанием. По мнению Страхова, у Леонтьева «ни одна повесть, ни одна статья не имела стройности и законности. Всё у него было то, что называется плетением мыслей. Был и талант, и вкус, и образованность; недоставало душевной чистоты и добросовестного труда. Читателей иногда очень трудно обмануть» [7, с. 105]. Необъективность этой оценки очевидна для непредвзятого читателя, что отметил и Розанов, записав в примечании к переписке, что «...весь Леонтьев может быть изложен в одной странице и рассказан в один час... Он поразительный по ясности и целостности писатель» [Там же], и что с отсутствием душевной чистоты в Леонтьеве может согласиться только в смысле «седьмой заповеди». Более похожими на настоящую причину неприязни Страхова представляются его обвинения в уже цитированном письме, в котором он характеризует мировоззрение Леонтьева как «нравственное уродство»: «...это одно из самых отвратительных явлений. Религия, искусство, наука, патриотизм – самые высокие предметы вдруг подчиняются самым низменным стремлениям, развратной жажде наслаждения и услаждения себя. И всё это получает особый оттенок; в религии – “священное волшебство”, как прекрасно выразился Арх. Антоний, и сладострастная борьба между грехом и страхом; в науке – дилетантизм с подчинением любимым целям; в искусстве – услаждение всякой пакостью, мужеложеством, роскошью, всякою внешнею красотою (интересно, что Леонтьев не имел никакого понятия о достоинстве стихов и даже о размере); в патриотизме – мечтания об аристократии, о всякой власти и гордости и т.п.» [Там же, с. 107-108]. В комментариях к этому письму Розанов предполагает, что причиной для негативного отношения Страхова была сообщённая ему кем-то информация, что «Леонтьев был *utriusque naturae (sexus) homo* [обоих полов человек (лат.)], – с влечением к субъектам своего пола» [Там же, с. 6]. Справедливости ради следует отметить, что никакими документальными свидетельствами эта информация не подтверждается. Вполне вероятно, что Розанов неправ, и что негатив у Страхова вызывали не какие-то экзотические пороки, а самые обычные, традиционные – тот «иммориализм» раннего Леонтьева, который он никогда не скрывал, который ярко отразился в его художественных произведениях, и следы которого возможно обнаружить и в поздних, религиозно-нравственных, философско-исторических и политических текстах Леонтьева (но отнюдь не в виде проповеди, а в качестве скрытых посылок о природе человека и его страстей).

Совсем иначе обстояло дело с отношениями Леонтьева и Астафьева, изначально вполне дружескими. Их связывали совместная работа в Цензурном комитете и посещения Леонтьевым «пятниц» Астафьева, на которых он, по воспоминаниям Г. И. Замараева, «либо читал что-нибудь по рукописи, приготовленной им к печати, либо рассказывал <...>, но не дай Бог, если его прерывал своим возражением Петр Евгеньевич. Начинался нескончаемый горячий спор, пока, наконец, слабый здоровьем и очень нервный Константин Николаевич не заявлял, что больше спорить он с Петром Евгеньевичем не может, потому что и голосу для этого не хватает, и для здоровья вредно, и слух раздражается» [1, с. 204]. В дальнейшем именно из-за этих споров Леонтьев перестал бывать у Астафьева, и из их общего круга молодых почитателей и последователей в результате «раскола» образовалось два. Неформальная «школа» последователей Леонтьева («гептастилисты») в дальнейшем собиралась уже в его московской квартире.

Несмотря на постоянные споры, Леонтьев писал А. А. Александрову, что у Астафьева «самого действительно есть “мораль” в русском стиле, сам он удивительно добр, очень благороден, способен пренебречь обязанностью и с радостью исполнить какой-нибудь высший долг» [3, с. 504]. Однако постепенно их личные взаимоотношения стали ухудшаться, дойдя в 1891 году также до полного разрыва на фоне полемики по национальному вопросу. После относительно сдержанных и осторожных высказываний участники переходят в публикуемых открытых ответах друг другу «на личности». Так, возмущенный Леонтьев, решивший обратиться к третейскому суду в лице другого своего оппонента, писал в статье «Кто правее?», адресованной Вл. С. Соловьёву: «Я говорю одно, а он говорит совсем о другом. Он меня понял до того уже превратно, что читаешь и глазам не веришь...» [4, с. 70]. Эта полемика была впоследствии обстоятельно исследована М. А. Прасоловым [6].

А. П. Козырев [2, с. 123-124] и М. А. Прасолов приводят характеристику, данную Леонтьевым Астафьеву в письме 1885 года, где Астафьев дважды определяется как «пьяница» и как «пьяница-гусар» вкупе с пересказом его не вполне трезвых приключений (при этом Прасолов приводит ее со значительными купюрами, опуская наиболее скандальные характеристики). Стоит отметить, что подобные факты не впервые возникают в переписке Леонтьева на фоне обострения отношений из-за полемики, но встречались в ней и ранее. Так, рассказывая в письме К. А. Губастову об организованной им свадьбе его слуги и «любимца» Николая с девушкой Феней, Леонтьев вполне благодушно отмечает: «А на моей половине – Хитрово с профессором Астафьевым (новый друг и очень способный человек) поспали о душе и о Боге до 3-х часов ночи. <...> Астафьев и другой профессор Ст-в (болгарин) таки сильно подпили» [3, с. 266-267].

Вместе с тем, несмотря на указанные спорные вопросы и периодически страстную печатную полемику, русские консерваторы осознавали общность своего направления и степень близости взглядов. Судя по частой апелляции к единству взглядов, лучше всех это понимал Леонтьев. Так, например, в письме к Страхову от 26 октября 1869 года, очень экспрессивном по форме (вплоть до троекратного повторения вопроса «понимаете ли Вы?»), он призывает к объединению всех делающих общее дело и использует для себя и Страхова понятие «Предтечи Великого Славянского Будущего» [Там же, с. 67] (все слова с заглавной буквы). Следует отметить, что это общее дело (общее направление) он понимает, прежде всего, не как политический консерватизм (хотя тот является логическим следствием леонтьевского антигалитаризма), а как «культурное» направление (иногда в письмах даже обозначаемое как «славянофильство»), связываемое им с концепцией культурно-исторических типов. В основе этого направления лежит «Евангелие Данилевского» (которого Леонтьев называет «великим учителем» [Там же, с. 302] за то, что тот первым смело заявил в своих печатных работах о том, что высшей целью является культурное своеобразие). О связи «культурно-эстетической» (руководствующейся принципами культурного своеобразия) и политической составляющих консерватизма Леонтьев высказывается в письме Страхову: «И ещё я очень Вам благодарен за то, что Вы привели взгляд Данилевского на то, что и для научной мысли нужно оставить эстетику, необходимо чувство! Насколько это справедливо относительно социологии!.. Эстетик может быть демократом или эгалитарным либералом разве по ошибке, пока не понял» [Там же]. «Я боготворю его и зову Евангелие» [Там же, с. 79], – писал Леонтьев Страхову о «России и Европе» в 1870-м году. Себе же он отводит место продолжателя, определяя основной вклад каждого в общее дело: Данилевский стал первооткрывателем культурно-исторических типов, а основное достижение Леонтьева в общей системе взглядов – гипотеза «вторичного и предсмертного смещения». А в 1887 году, радуясь тому, что «наше типовое растёт» [Там же, с. 302], Леонтьев в одном абзаце перечисляет весь «канон» русского консерватизма: «Молодые люди ищут, бьются, и нет “России и Европы” (я об этой книге говорю). Для меня один юноша свою, всю растрёпанную от чтения, подарил. Ваша “Борьба с Западом” (по-моему «Самоосуждение Запада») тоже, говорят, очень стала читаться. Мой сборник “Восток, Россия и славянство” министр народного просвещения представил Государю!» [Там же]. При этом тексты Астафьева оставлены им за рамками этого канона.

Так же и Страхов, несмотря на острое неприятие личности Леонтьева, в письме Розанову вынужден заметить своё сходство с Леонтьевым в «славянофильстве», комментируя статью С. Трубецкого: «Статья жестокая: в отношении к Леонтьеву она меня почти радует; но ведь она писана, чтобы посредством Леонтьева уронить славянофилов и чтобы поднять знамя *вселенской правды* Соловьёва. “Борьба с Западом”, уверяет Трубецкой, теперь уже *оношллась*. Данилевский – *зоолог в славянофильстве* и т.д.» [7, с. 110]. Атака на лично неприятного ему Леонтьева воспринимается здесь Страховым как критический «подкоп» подо все направление – тем самым за мыслью Леонтьева, в отличие от его личных качеств, Страхов признает принципиальную идейную правоту. Симптоматично, что консервативный «канон» авторов здесь совершенно тот же, что и в понимании Леонтьева. Это признание единства и взаимозависимости философов «славянофильского» (в самом широком смысле слова) лагеря отмечалось им и ранее в письме Толстому, в котором Страхов с грустью указывал на вероятную обречённость направления: «В них (*революционерах и нигилистах* – О. А.) жива жажда деятельности, и они с радостью хватаются за указываемые им цели. А мы, консерваторы, славянофилы и т.п. – мы только знаем, чего не делать. По-моему, русский народ резко разделяется на два класса, людей пассивных и деятельных. В пассивных, которых большинство, – хранятся наши лучшие качества, простота, правда, всякая душевная красота. Деятельные – почти без исключения дурны; это или столкловые молодые люди, как нигилисты, или люди без стыда и совести, жестокие, своенравные, сильные, но отталкивающие» [5, с. 72]. Отождествление консерваторов и славянофилов в этом утверждении не следует, впрочем, принимать буквально – консервативные мыслители и представители славянофильского кружка прекрасно осознавали своё различие и часто критиковали друг друга не менее жестко, чем своих «революционно-демократических» и западнически настроенных оппонентов. Однако Страхов здесь, несмотря на все идейные различия, объединяет славянофилов и консерваторов в единое множество, противопоставляя столь же неоднородным «революционерам и нигилистам», с целью проиллюстрировать свое социально-психологическое наблюдение.

Таким образом, сложные личные взаимоотношения русских консерваторов не исключали осознания ими единства охранительного лагеря и взаимного признания, признания пользы деятельности каждого из них для общего дела, которое, как правило, было сильнее отсутствия взаимопонимания и личной неприязни. В различной степени признавали они и теоретическую ценность взглядов друг друга. Едва ли не чаще остальных апеллировал к единству консервативного лагеря Леонтьев, последовательно различавший личность и деятельность, свою оценку личности и пользы для общего дела. В озвученный им «консервативный канон», наряду с «Византизмом и славянством», вошли тексты Данилевского и Страхова. В то же время, в критических отзывах Страхова, звучавших, правда, преимущественно в частной переписке, личной неприязнь к Леонтьеву (вполне взаимная) часто

приводит его к жесткой оценке идейного наследия последнего, в основном на почве недостаточной последовательности и законченности мысли и изложения, а не ограничивается обвинениями в «личной безнравственности». Отношения же Леонтьева и Астафьева, возникшие на фоне взаимного печатного признания ценности взглядов и прошедшие через этап довольно продолжительной дружбы, позже были испорчены сперва негативом от постоянных споров, а затем – переходом на личности в печатной полемике. В конечном итоге, несмотря на значительную общность взглядов, их дружба завершилась отчасти из-за взаимного непонимания, отчасти из-за фундаментального противоречия в понимании роли наций и национальности в историческом процессе.

Список литературы

1. **Замараев Г. И.** Памяти К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra: в 2-х кн. СПб.: Издательство РХГИ, 1995. Кн. I. С. 200-207.
2. **Козырев А. П.** Должны быть и разномыслия // Новая Европа. 1997. № 11. С. 119-124.
3. **Леонтьев К. Н.** Избранные письма: 1854-1891. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 637 с.
4. **Леонтьев К. Н.** Кто правее?: письма к В. С. Соловьёву // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12-ти т. СПб.: Владимир Даль, 2009. Т. 8. Кн. 2. С. 57-179.
5. **Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым: 1870-1894.** СПб.: Об-во Толстовского музея, 1914. 478 с.
6. **Прасолов М. А.** Два консерватизма: П. Е. Астафьев и К. Н. Леонтьев // Консерватизм в России и мире: в 3-х ч. Воронеж: Изд. ВГУ, 2004. Ч. 2. С. 29-67.
7. **Розанов В. В.** Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. 475 с.

**PERSONAL AND IDEOLOGICAL RELATIONS BETWEEN REPRESENTATIVES
OF RUSSIAN PHILOSOPHICAL CONSERVATISM**

Avdeev Oleg Konstantinovich, Ph. D. in Philosophy
Lomonosov Moscow State University
epoha@list.ru

The article is devoted to the history of Russian philosophical conservatism of the second half of the XIX century by the example of K. N. Leontiev, N. N. Strakhov and P. E. Astafiev in the context of their personal mutual relations. The author considers both the reviews of the representatives of this stream about each other in philosophical and publicistic texts and in their epistolary heritage and evaluations of contemporaries and researchers; substantiates the ideological unity of the stream, which was realized by its representatives in spite of radical dissimilarity of characters and personal traits that led both to the lack of understanding and to open hostility.

Key words and phrases: history of Russian philosophy; K. N. Leontiev; N. N. Strakhov; P. E. Astafiev; N. Ya. Danilevsky; conservatism; organicism; personality.

УДК 1(091); 141.201; 141.22; 141.145; 1.128; 329.11

Философские науки

Статья посвящена истории восприятия традиции пессимистической философии представителями русской консервативной мысли К. Н. Леонтьевым и П. Е. Астафьевым. Рассмотрены история появления произведений Артура Шопенгауэра и Эдуарда фон Гартмана в России, тексты отечественных мыслителей, связанные с философией немецкого пессимизма, особенности изложения, способы критики ими этой философии и её общая оценка. На основе анализа тематических работ и общих философских и социальных взглядов К. Н. Леонтьева и П. Е. Астафьева делаются выводы о причинах различного восприятия немецкого пессимизма: первым – как позитивно, а вторым – как негативно оцениваемого феномена.

Ключевые слова и фразы: история русской философии; К. Н. Леонтьев; П. Е. Астафьев; А. Шопенгауэр; Э. фон Гартман; пессимизм; консерватизм; христианство; воля; эвдемонизм; прогресс; прогрессизм.

Авдеев Олег Константинович, к. филос. н.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
epoha@list.ru

**ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ПЕССИМИЗМА (АРТУР ШОПЕНГАУЭР, ЭДУАРД ФОН ГАРТМАН)
В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА**

Не подлежит сомнению, что популярность немецкой философии в России и её влияние на образованные слои населения в XIX веке были огромны. Книги немецких философов читались в оригинале, переводились, изучались, становились предметом обсуждения в разнообразных кружках. Лучше всего изучена в этом аспекте история восприятия в России немецкой классической философии (сообразно с которой в русской философии выделяют следующие течения: русское лейбнианство, кантианство, шеллингианство и т.п.), а также, по понятным причинам, марксистских текстов.

Однако имеют научное значение и другие влияния, например, влияние взглядов Фридриха Шлейермахера, Эдмунда Гуссерля или Артура Шопенгауэра. Особый интерес для исследователя представляет влияние, оказанное